

Лукашевич Клавдия Владимировна

Гнездышко

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Гнездышко / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.: Книга по Требованию,
2024. – 154 с.

ISBN 978-5-519-94040-5

ISBN 978-5-519-94040-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Хорошъ! А еще гимназистъ! Учишься, учишься, а не знаешь про такую прелестную птичку...

— Смѣшныя вы, сестрички! Не могу же я знать про всѣхъ птицъ на свѣтѣ...

Изъ кустовъ акаціи выпорхнула очаровательная птичка.

Это было ранней весной. День былъ ясный, теплый. Мы бѣгали по саду счастливые и веселые, зная, что скоро наступить лѣто, которое всѣмъ приносить столько радости. «Пахнетъ лѣтомъ, пахнетъ лѣтомъ!» кричали мы, прыгая и перекликаясь. Осматривая въ саду все старое и разыскивая что-нибудь новое, мы наткнулись на нашу прелестную незнакомку.

— Слѣдите за ней... — шопотомъ предложила Оля.

— Тише, тише... Не говорите такъ громко... Она, кажется, хочетъ улетѣть,—сказалъ Витя.

Мы не спускали глазъ съ милой крошки. Она была такая рѣзвая, веселая; пресмѣшно сгорбившись и загнувъ кверху свой коротенькій хвостикъ, она быстро прыгала по спутаннымъ вѣткамъ и удалялась отъ насъ.

Мы крались за ней, на цыпочкахъ ступая по землѣ. При малѣйшемъ неосторожномъ звукѣ мы сердились другъ на друга, останавливались, махали руками и повторяли одно:

— Тише, тише... пожалуйста, тише.

Птичка наша то взлетала на деревья, утомительно трепеща крылышками, то слетала на землю и прыгала, какъ воробышекъ, то бросалась въ кусты и пролѣзала въ такія крошечныя отверстія, гдѣ могъ бы пролѣзть развѣ мышенокъ. Иногда она садилась повыше на вѣтку, точно осматривала кругомъ мѣстность, и часто-часто кивала головкой. Мы были увѣрены, что она намъ кланяется. Еле удерживаясь отъ смѣха, мы тоже кивали головой и шептали:

— Здравствуй, душка! Здравствуй, прелесть!

Вдругъ около большой свалившейся березы и огромной кучи хвороста наша птичка, проскользнувъ между вѣтвями, исчезла, точно въ воду канула.

— Ты виновата: ты кашлянула, — накинулись мы всѣ на Олю.

— Нѣтъ, вы виноваты, а не я... У васъ подъ ногами захрустѣло... Я кашлянула тихонько, — оправдывалась сестра.

— Улетѣла птичка... Понятно жаль!.. — проговорила Ирочка, и на ея глазахъ показались слезы. Она была у насъ очень чувствительная: всегда всѣхъ жалѣла и часто плакала.

— Не спорьте и не плачьте, сестры. Никто не виноватъ, что птичка улетѣла... У нея есть свои дѣла... Не можетъ же она вѣчно быть съ вами. Завтра опять придемъ сюда и найдемъ ее, — разсудилъ нашъ споръ Витя.

Мы успокоились.

Дома, перебивая другъ друга, мы разсказали папѣ и мамѣ про видѣнную нами птичку.

— Носикъ у нея тонкій, какъ иголка, хвостъ торчитъ, какъ метелочка, — разсказывала Ирочка.

— Неправда, неправда: хвостикъ у нея кругленькій, какъ цвѣточекъ, — перебила Оля.

— Ну, нѣтъ, на цвѣтокъ не похожъ, а скорѣе на папины усы... Сама она кургузая, а носикъ у нея точно стальное перо, — добавила я.

Всѣ разсмѣялись, а больше всѣхъ — Витя.

— Вотъ такъ объяснили! Нечего сказать, понятно! Смѣшныя вы, дѣвочки.

Мы обидѣлись.

— Объясни самъ, если ты такъ хорошо знаешь!

— Крылья у этой птички короткія, закругленные, сильно вогнутыя; одно маховое перо длиннѣе; опереніе красноватое, узорчатое, съ черными полосками; клювъ короткій, сжатый съ боковъ, похожій на шило; ножки короткія, довольно слабыя, и вся она никакъ не болѣе пальца въ длину.

Мы, три дѣвочки, очень удивились, какъ могъ Витя такъ хорошо рассказать про нашу птичку; точно онъ читалъ по книгѣ.

— Это, навѣрно, колибри, — съ улыбкой сказалъ папа.

Ирочка сначала повѣрила и очень обрадовалась. Но мы поняли, что папа шутить. Мы видѣли колибри, или птичку-мушку, въ музеѣ и знали, что она живетъ въ Америкѣ, въ жаркихъ странахъ.

— Ты шутишь, папочка. Не можетъ колибри изъ жаркихъ странъ залетѣть въ нашъ садъ. Ей тутъ холодно: она бы умерла. Къ тому же наша птичка гораздо больше.

Никто не могъ сказать намъ заочно, что это была за птичка. Навѣрно, мы непонятно ее описывали.

— Надо будетъ ее посмотреть. Тогда, можетъ, я вамъ и назову, кто она, — сказалъ папа.

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ только насъ выпускали гулять, мы стремились къ березовой рощѣ. Тамъ цѣлыми часами наблюдали мы за птичками, но нашей прелестной незнакомки не видѣли. Мы были очень огорчены.

— Понятно, жаль!—говорила наша Ирочка.

Наконецъ, кажется, ужъ на пятый день поисковъ, Витя опять закричалъ: «Тише, тише!» Мы сразу догадались, въ чемъ дѣло: на старой сломанной березѣ сидѣла она,—наша милая, красненькая птичка, и весело кивала головкой.

Какъ мы обрадовались! Точно увидѣли дорогого и любимаго друга послѣ долгой разлуки. Мы тихо разсѣлись по пнямъ и долго слѣдили за крошкой. Она прыгала по землѣ, чирикала, кланялась, пролѣзала въ маленькія щели и, наконецъ, какъ и въ первый разъ, исчезла въ кучи хвороста. Теперь мы болѣе не горевали: были увѣрены, что птичка живетъ въ нашемъ саду.

На другой день мы увидѣли ее снова. И какова же была радость, когда подбѣжавъ къ старой березѣ, мы застали нашу крошку сидящей на вѣткѣ съ другой птичкой, какъ двѣ капли воды похожей на нее; только эта другая была немножко побольше.

— Душки! Прелестныя! Милочки!—воскликнули Оля и Ира и отъ умиленія складывали руки и присѣдали.

Наши птички весело порхали и рѣзвились и такъ славно пѣли пѣсни, точно играли на серебряныхъ колокольчикахъ.

— Значить, онѣ у насъ въ саду вьютъ гнѣздышко, — заявилъ Витя.

Съ тѣхъ поръ березовая роща сдѣлалась любимымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ

Черезъ нѣсколько дней, какъ-то утромъ, папа, мама, тетя и дядя тоже познакомились съ нашими любимцами: мы затащили старшихъ въ березовую рощу и показали нашихъ птичекъ.

— Это — простые крапивники, самецъ и самка, — сказалъ папа. — Ихъ у насъ много. Они даже зимуютъ у насъ.

— А мы-то не знали... Мы никогда раньше не видали такихъ птичекъ въ нашей деревнѣ! — воскликнули разомъ Ира и Оля, сожалья о прошломъ.

— Плохо смотрите, дѣтки. Откройте пошире глаза и наблюдайте: увидите въ природѣ такъ много интереснаго, о чемъ даже и не подозрѣвали, — сказала тетя Варюша шутливо.

Слушая тетю, Ирочка попробовала вытаращить глаза и проговорила:

— Ничего-то не вижу, кромѣ нашихъ милыхъ крапивничковъ.

Мы всѣ размѣялись, а Оля сказала задумчиво:

— Нѣтъ, папа, неловко ихъ звать крапивниками...

— Будемъ звать нашу крошку «крапивочка», а этого господинчика— «крапивничекъ»,—предложила тогда я.

Всѣ согласились.

— Зовите, какъ хотите.

— Не правда ли, онѣ очаровательныя, прелестныя, самыя лучшія птички на свѣтѣ?—спрашивала Ирочка, заглядывая старшимъ въ глаза.

— Да, славныя птички, веселыя живыя. Онѣ и зимой не горюютъ: холодно, голодно, а онѣ прыгаютъ, поютъ и своимъ бодрымъ видомъ оживляютъ заснувшую природу,—сказала мама.

Мы были очень рады, что и старшимъ понравились наши любимцы.

III.

Пришло лѣто. Въ саду у насъ было дивно хорошо: цвѣли цвѣты, деревья густо одѣлись зелеными листьями, дни стояли ясные, жаркіе... Но у насъ, дѣтей, было свое горе: мы потеряли изъ вида «крапивничка» и «крапивочку». Мы искали ихъ цѣлыми днями, но не находили. И не мудрено: садъ заросъ очень густо, и въ чащѣ трудно было разглядѣть нашихъ крошекъ. Иногда намъ казалось, что мы слышимъ ихъ пѣніе, похожее на звукъ серебряныхъ колокольчиковъ, но птичекъ не было видно. Я же думаю, что каждому

человѣку тяжело не видѣться съ любимыми друзьями; то же испытывали и мы

— Понятно, жаль, — говорила Ирочка и даже всплакнула.

Впрочемъ, скоро пришла и радость. Однажды я и Оля играли въ саду въ крокетъ. Откуда нѣ возьмись, примчалась Ирочка, запыхавшаяся, красная, едва переводившая духъ. Она долго не могла отдышаться и начать говорить

— Такое видѣла... такое... Отъ радости съ ума сойдемте! — прокричала она и, махнувъ намъ рукой, помчалась обратно по дорожкѣ.

Наши сердца забились радостнымъ предчувствіемъ.

Мы побѣжали за сестрой. Она остановилась въ березовой рошѣ, около старой березы, и погрозила намъ... Мы остановились тоже. Она пошла на цыпочкахъ, крадучись. Мы пошли такъ же.

— Тшше, Оля и Лена... Не говорите... Тутъ такое... Съ ума сойдемте отъ радости, — прошептала Ирочка и указала рукой на березу.

Дѣйствительно, когда мы *это* увидѣли, то у меня по спинѣ забѣгали мурашки и такъ забилося сердце, что чуть не выпрыгнуло. Оля сложила руки, точно собралась молиться Богу, а у Ирочки на глазахъ показались слезы.

Представьте себѣ: на стволѣ огромной старой березы выросъ грибъ; это былъ большой, твердый какъ камень, грибъ, какіе часто растутъ на деревьяхъ. Грибъ

На стволъ старой березы выросъ грибъ. Грибъ этотъ раскололся пополамъ.
и изъ его середины выглядывали пять желтыхъ головокъ.

этотъ раскололся пополамъ, и изъ его середины выглядывали пять очаровательныхъ желтыхъ головокъ. Крошечные птенчики жалобно пищали и раскрывали рты. А рядомъ на вѣткѣ сидѣли наши милые крапивнички съ червяками во рту.

Можетъ ли быть что-нибудь лучше такой картины?

«Крапивочка» жалобно пискнула и уронила изо рта червяка.

— Милая умница, она испугалась насъ,—шопотомъ проговорила Оля.

— Спрячемтесь скорѣе,—предложила я.

— Не бойся, крапивочка, мы не сдѣлаемъ ничего дурного твоимъ дѣткамъ,—шептала Ирочка.

Мы зашли за дерево, сѣли на траву и долго сидѣли, не шелохнувшись.

Наша малютка-мама, пугливо озираясь, подлетѣла къ своему странному гнѣздышку и покормила изо рта дѣтокъ; то же сдѣлалъ и папа-крапивникъ; дѣти, вѣроятно, были голодны, кричали и раскрывали рты. Папа и мама отыскивали пищу и совали имъ во рты; долго они ихъ кормили. Намъ показалось, что крапивнички никогда еще не были такъ веселы, никогда не прыгали такъ радостно, какъ въ этотъ день. Еще бы: у нихъ были такія славныя дѣтки.

Мы рассказали всѣмъ въ домѣ о нашей находкѣ; всѣ старшіе ходили смотрѣть чудное гнѣздышко въ грибѣ и восхищались имъ.